

— Чтобы влезть в это платье, — подмигнула Гу Ичжэнь, — ты сегодня ничего не ела?

Лу Шабай кивнула, а затем махнула рукой. Это было самое ужасное: тонкий слой жирка на животе заставлял её отказываться от еды всякий раз, когда приходилось надевать вечернее платье.

Е Инь только сейчас заметила, что, учитывая прежний аппетит Лу Шабай, та, выпив вечером лишь одну миску супа, наверняка уже была на грани истощения.

Её внезапно охватило желание подшутить, и она потянулась, чтобы потрогать живот Лу Шабай. Та, слишком голодная, чтобы сопротивляться, лишь легонько отмахнулась, без сил договорившись с Гу Ичжэнь о ночном перекусе.

Когда их обсуждение планов на ужин наконец закончилось, Лу Шабай, выйдя из голодного ступора, заметила Е Инь, которая, притворяясь, что увлечённо играет с глиной, лежала рядом. Подумав, она протянула руку и погладила её розовые волосы.

— Сегодня, — сказала Лу Шабай, продолжая гладить её голову, — ты неплохо справилась.

Сердце Е Инь, сжавшееся от напряжения, внезапно успокоилось, наполнившись чувством облегчения и удовлетворения, а также сладким привкусом признания.

Она опустила голову, слегка прижавшись к руке Лу Шабай, и начала по-настоящему ощущать, что её будущее начинает светиться.

После ужина с Вэй Шэнфэем Е Инь погрузилась в ад занятий.

Она, считавшая себя королевой кампуса, никогда не училась усердно, полагаясь на свою сообразительность, чтобы сдать экзамены на средний балл. Она никогда не делала домашние задания, прогулы и опоздания были для неё нормой. В школе, где главным был показатель поступления в вузы, она была той самой «жвачкой», которую хотелось выплюнуть, но не получалось.

В прошлой жизни, ради карьеры, она тоже посещала несколько курсов, но такие занятия, где с утра до вечера нужно было заниматься вокалом, актёрским мастерством и физическими упражнениями, без единой свободной минуты, были для неё впервые.

У Лу Шабай была куча дел, а в свободное время она страдала от хронической лени, так что за две недели занятий она заглянула к ней лишь раз, да и то лишь чтобы подвезти домой после встречи с пиар-специалистом.

По дороге Е Инь намекала, что график занятий слишком напряжённый, но Лу Шабай одним предложением поставила её на место.

— Всё бесплатно. Хочешь — учись, не хочешь — не надо.

Е Инь, всё ещё не избавившаяся от финансовых трудностей, мгновенно замолчала.

Жалобы жалобами, но Е Инь знала, что её лень была всеобъемлющей. В отличие от Лу Шабай, которая была трудолюбом на работе и лентяем в свободное время, её лень была многоуровневой, сопровождалась отсутствием самоконтроля, периодическими вспышками амбиций и постоянной апатией.

В индустрии развлечений, где нет чёткого разделения на рабочие и нерабочие часы, такой характер был смертным приговором.

Когда Лу Шабай заметила, что Е Инь снова начала пропускать занятия, она быстро пресекла это, используя годовую квоту на обучение артистов, чтобы записать её на эти курсы.

— Сейчас ты моя единственная артистка, — сказала она, ловко управляя рулём. — Если ты не хочешь учиться, мне придётся взять кого-то ещё, чтобы использовать квоту?

Е Инь, сидевшая на пассажирском сиденье, замотала головой с частотой, сравнимой с колебаниями подсолнуха в автомобильном ароматизаторе.

Конечно, лучше, чтобы Лу Шабай занималась только ею. Взять кого-то ещё, чтобы делиться её вниманием? Только дурак согласился бы на это.

К тому же, после ужина с Гу Ичжэнь подтвердились слухи, ходившие в компании. Учитывая прошлые отношения Лу Шабай и Цяо Сюэцин, даже если Лу Шабай была достаточно профессиональна, чтобы не позволять чувствам влиять на работу, но если бы она начала встречаться с кем-то другим на глазах у Е Инь, это было бы пыткой для кого?!

— Если Лу Шабай будет встречаться с артистом, то только со мной.

Маленький демон выскочил из её сердца и прошептал это её разуму, что её даже напугало.

Клянусь, у меня нет таких намерений! — мысленно закричала она демону, взглянув на Лу Шабай, которая по-прежнему уверенно вела машину, не замечая её внутренней драмы.

Впервые в жизни она почувствовала влечение к женщине. Хотя в шоу-бизнесе это было обычным делом, для неё самой это было пока трудноприемлемо.

Что это? Иллюзия? Эффект первого впечатления? Е Инь глубоко вздохнула, решив, что это, вероятно, ещё не любовь, ведь у неё лишь мелькнула мысль и появилось желание быть ближе к ней.

Она украдкой взглянула на профиль Лу Шабай. Сегодня та была почти без макияжа, лишь подкрасила брови и нанесла яркую помаду, что подчеркнуло её светлую кожу. Волосы были собраны в хвост, а одежда была повседневной, что делало её более доступной, чем на работе. Она всё так же была красива, но смотреть на неё было страшно.

Боясь, что её поймают на взгляде, Е Инь опустила голову и погрузилась в свои мысли. Почему-то её обычно скудное воображение стало более живым.

Цяо Сюэцин, которую она видела только по телевизору и на банкетах, и Лу Шабай, сидящая рядом с ней, разыгрывали в её голове одну сцену за другой. Прежде чем её настроение полностью захватили странные эмоции, её лоб слегка коснулась рука одной из героинь.

— Мы приехали, — сказала Лу Шабай, указывая на выход. — Поднимемся наверх, пиар-специалист скоро будет.

Выпив в доме Лу Шабай стакан лимонной воды, Е Инь услышала стук в дверь. Хотя она раньше видела пиар-специалиста у стилиста, это была их первая официальная встреча.

— Познакомься, Е Инь, это твой пиар-специалист, можешь называть её сестрой Чэнь, — Лу

Шабай налила ей стакан лимонной воды. — Наша команда пока состоит из трёх человек, но по мере твоего развития у тебя появятся ассистенты, при условии, что ты будешь слушаться.

Она снова подчеркнула слово «слушаться», словно Е Инь была ребёнком. Е Инь мысленно развела руками, чувствуя лёгкий дискомфорт. Она отчаянно хотела, чтобы Лу Шабай воспринимала её как равную, а не как ребёнка.

Она понимала, что ей всего девятнадцать, а предыдущие десять лет жизни прошли впустую. Перед Лу Шабай она вела себя крайне незрело, будучи продуктом конвейера по производству звёзд, а её право голоса в планах развития было на уровне игры с ребёнком.

Пиар-специалист взяла на себя её публичный образ и стиль, а позже будет заниматься маркетингом и взаимодействием с фанатами, но это было делом будущего. Сейчас главной задачей сестры Чэнь было подобрать ей наряд для концерта.

Рабочие и личные вопросы по-прежнему оставались за Лу Шабай, а о различных ассистентах можно было говорить только после того, как она встанет на ноги.

Лу Шабай привыкла быстро решать дела, особенно в свободное время. Занять два часа её воскресенья уже было проявлением профессионализма. Закончив обсуждение ближайших планов и убедившись, что всё в порядке, она быстро завершила встречу, быстро попрощалась с пиар-специалистом и быстро устроилась на диване.

Заметив, что Е Инь всё ещё стоит рядом, она быстро начала её выпроваживать:

— Можешь идти. Увидимся завтра в студии. Не забудь потренироваться, чтобы не пришлось переделывать демо. Вэй Шэнфэй очень придирчив.

Е Инь была завсегдатаем студии. Как опытный, но неудачливый певец, она прошла через смену песен, перезаписи и возвраты дисков. Сейчас ей нужно было лишь записать демо, что было заданием от звёздного наставника, но для неё это было пустяком.

Безоблачное, ясное утро выглядело особенно мягким через стеклянные стены «Музы».

Лу Шабай забронировала для неё студию на десять утра, и она могла использовать её до вечера. Когда администратор открыл дверь, она вошла в ещё не освещённую комнату. В тихом, тёмном помещении слышалось лишь её дыхание.

Это было её самое знакомое место. В воздухе витал запах микшерного пульта, а пол был покрыт толстым звукопоглощающим ковром, по которому ходить было словно ступать по облакам.

Я вернулась.

Она беззвучно произнесла это, обращаясь к далёкой, уже невидимой себе и к далёкой, пока ещё невидимой себе.

Ей не нужно было включать свет, чтобы сесть за микшерный пульт. Раньше, в бесконечные ночи, она бронировала самое непопулярное время и часами сидела здесь, записывая песни, которые никто не слушал.

Никто её не беспокоил. Как и раньше, она села в темноте за пульт, подключила кучу проводов и настроила нужную частоту.

Сначала она не издавала звуков, напевая про себя. Голос, возможно, не принадлежал Е Инь, но он точно подходил для этой песни. Она всегда была умна и имела свои методы.

Затем она сделала несколько базовых упражнений, монотонно напевая «а-а-а», чтобы вернуть давно забытые ощущения. Когда всё в этой тёмной студии заняло свои места в её сознании, когда всё в её душе начало светиться и проясняться, она попыталась найти свой голос.

<http://bllate.org/book/15554/1414656>